

Хроника научной жизни

Международная научная конференция «Сквозь слезы: русская эмоциональная культура»

(ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, «Новое литературное обозрение»,
25–26 ноября 2022 года)

DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_379

25–26 ноября 2022 года в онлайн-формате при поддержке издательства «Новое литературное обозрение» прошла конференция «Сквозь слезы: русская эмоциональная культура». Готовившаяся последние два года *Константином Богдановым* (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург) и *Ильей Виноцким* (Принстонский университет, США) конференция была задумана как опыт приближения к теме, которая может быть понята равно как антропологическая и литературоведческая. Во вступительном приветствии к докладчикам *Ирина Прохорова* (НЛЮ, Москва) сказала простую, но важную вещь: русская культура не очень богата смехом, но полна слезами. Сегодня, увы, это не совсем — или совсем не — литературная тема. Но разберемся спокойно: что же и как происходило с описанием слез и плача в многострадальной русской культуре.

Первым докладом конференции стало выступление *Анны Фитискиной* (НИУ ВШЭ, Москва) «Плач и слезы в раннем древнерусском летописании». Сегодня слезы и плач — слова одного семантического поля, но это все-таки разные слова. Возможности для интерпретации здесь ограничены: это могут быть этимологические объяснения для каждого слова или же попытки определиться с общим смысловым значением тех ситуаций, когда люди плачут. Лингвистика в этом случае — в антропологическом отношении — позволяет озадачиться вопросом: слезы перед нами или плач? Похоже, что для русской культуры (а возможно, и для других культур также): ситуация важнее ее лексикологической детализации — «плач» первичнее «слез». Как бы то ни было, разговор о слезах в русской культуре начался с разговора о плаче в русской культуре.

Для начала докладчица проанализировала историю развития плачей в «Повести временных лет», отметив, что «под словом *плач* в дальнейшем понимается упоминание плача, то есть контекст, в котором употребляется одно из следующих слов: *плакати(ся)* и приставочные дериваты этого глагола, *плачь*, *рыдати*, *рыдание*, *слъзы* и *просльзитиса*». Интересно, что позднейшие плачи оказались во многом противоположны ранним. Если ранние «утрюмые» личные плачи оттеняли сдержанность правителей-язычников, то поздние плачи, тоже княжеские

и личные, уже не оттеняли сдержанность правителей, а подчеркивали их чувствительность. Исследовательница приходит к выводу, что с течением времени восприятие плача было полностью переосмыслено. Затем Анна Фитискина описала распределение плачей по текстологическим пластам летописи, и, наконец, кратко охарактеризовала переход традиции «Повести временных лет» в позднейшее летописание — Киевскую, Суздальскую и Новгородскую первую летописи. В заключительном лингвистическом комментарии докладчица отметила, что, по-видимому, слова *плакатиса* и *плачь* не обозначали в точности то же, что они обозначают сейчас. Этимология глагола *плакатиса* может быть возведена к значению «бить себя в грудь, громко сетовать». Вероятно, язык «Повести временных лет» сохраняет архаичное значение биения себя в грудь от отчаяния, которое в более поздних летописях уже теряется. В этом, судя по всему, и кроется причина разности контекстов при упоминании слез и плачей.

Светлана Адоньева (СПбГУ) в докладе «*Плакальщицы: пластика скорби в типологическом освещении*» сделала сопоставительный анализ телесных поз траура в опыте социального поведения, которое интригующим образом связывает древнюю (росписи гробниц и древнегреческих лекифов) и современную традиции (положение тела, жестикауляция плакальщицы). То, что кажется разорванным во времени и несопоставимым с точки зрения исторической этнографии, обнаруживает общность в проявлении коллективных эмоций. Что это — антропологические константы или приметы общего ритуального прошлого? Доклад остается открытым к домысливанию возможного контекста этого прошлого — поведенческого и образного.

Павел Сиваковский (МГУ) посвятил доклад «*Слеза Демона, или Апология нечеловеческого*» неочевидным деталям в интерпретации «нечеловеческой», прожигающей камень слезы лермонтовского героя («Насквозь прожженный виден камень / Слезою жаркою, как пламень, / Нечеловеческой слезой!..»), которого исследователь определяет как «вселенского трансгрессора». В дискуссии после доклада речь зашла о том, что тема демона/демонизма преследовала Лермонтова всю его короткую жизнь и не стоит ли разобраться с *idée fixe* в творчестве писателей/поэтов, чтобы лучше понять собственные наваждения?

Светлана Волошина (ШАГИ РАНХиГС, Москва) в докладе «*С сердечной искренней слезой*»: слезы как часть сценария власти *Николая I*» отмечает частое фигурирование слез подданных в документах правления Николая I и рассматривает их как часть властного ритуала. Больше всего слез читатель найдет в официальных описаниях событий государственного масштаба, в эго-документах высшего чиновничества, а также в документах тайной полиции. Церемониальные слезы — обязательная часть общего ритуала, за соблюдением которой внимательно наблюдают. Искренность в этом смысле не так важна: проявление эмоций может свидетельствовать о принадлежности к определенной социальной группе. «Нерегламентированные» слезы по обычным, житейским поводам вызывали суровые порицания. Исследовательница отмечает, что символическим завершением царствования Николая I могут быть строки из стихотворения, написанного на его смерть: «...К Почившему пылает грудь любовью / За правые дела и суд. / Святая Русь, мешая слезы с кровью, / Сливают скорбь в святой сосуд».

Тему слез на государственной службе продолжила *Софья Коломийцева* (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «*Полководцы тоже плачут: разговор о слезах в журнале для будущих военных*», посвященном трем коротким анекдотам об известных полководцах, напечатанным в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» (1836—1863). Все три рассказа объединены одной темой — слезами трех знаменитых отечественных полководцев: генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-

Задунайского, генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова, генерала от инфантерии М.А. Милорадовича. Исследовательница считает, что слезы — и слезы именно полководцев — были одним из способов «очеловечить» военную среду и заронить в сердца юношества мысли о милосердии. Такой подход согласовывался с педагогической системой первой половины XIX века с ее установкой на возвращение в воспитанниках эмоциональности. Судя по изложенным историям, кадету предлагались три легитимные модели для проявления чувствительности: смерть в семье, патриотизм, гуманизм. В изначально жестокой среде даже такие скромные проявления человечности могут быть прочитаны как гуманистический порыв.

Константин Богданов представил доклад «*В парке плакала девочка...*» Игоря Северянина: *стоп-кадр*»¹. Стихотворение это общеизвестно и представляется исключительно простым — и в этом качестве оно используется в программе школьного образования, служа образцом сентиментального и поучительного жанра, дающего наглядную картинку благонравного отношения к детям и животным. Вместе с тем в поэтике Северянина это стихотворение обнаруживает претексты и отсылки, позволяющие прочитывать его как манифест эстетической программы, акцентирующей не этику, но эстетику эмоций — не мораль, но «красоту» слез, подчиненную «красоте» самого стихотворения.

Андрей Россомахин (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) в дискуссии после доклада задал вопрос о причинах популярности такого «попсового» поэта, как Северянин, в 1910-х годах. Константин Богданов ответил, что популярность поэт снискал именно благодаря своей «поповости», но не только: мотивы гражданского уныния и скорби в литературной традиции отменялись в творчестве Северянина во имя радости и надежды на лучшее — не самое плохое, что есть в культуре, особенно русской.

Независимый исследователь Валерий Мерлин (Иерусалим) в докладе «*Слезы, капли, кляксы: к симптомологии Сирина*» продемонстрировал, как в ассоциативной комбинаторике Набокова текст преодолевает сам себя — текстуальное отсылает к телесному, навык и опыт письма отзывается тем, чем письмо вроде бы не является, но в чем оно укоренено — в силе и настоятельности желания. Сказанное есть сказанное о том, что сказанному сопротивляется, но проявляется в нем как тело говорящего: слезы — это примета текста, но прежде всего симптом того, кто этот текст создает. Читать Набокова — значит понимать то, что стоит за его прозвездениями, — это не литературоведческая, но антропологическая процедура.

Отступлением в сторону от русской и русскоязычной литературы стал доклад Андрея Россомахина «*Пересохшие слезы в стихах Михайля Семенко 1917–1921 годов*», посвященный яркой фигуре украинского культурного возрождения — Михайлю Семенко (1892–1937), поэтическое формирование которого напрямую было связано с русскоязычным футуризмом. Вначале докладчик дал краткую характеристику этапам творческой биографии поэта и затем сосредоточился на периоде, ограниченном серединой 1920-х годов. Это связано с тем, что начиная с 1925 года и до ареста и гибели в 1937 году индустриальная тема стала в стихах Семенко основным «социальным заказом» на последующее десятилетие. С этого времени Семенко полностью подчинил свою музу социальной публицистике и занимался политическими темами. В лирике Михайля Семенко не раз встречаются никак не маркированные, но подразумеваемые, выплаканые, пересохшие слезы. Один из самых характерных примеров — стихотворение «Рана», открывающее большой лирический цикл «Зок» 1921 года, выразительность которого обусловлена минимализмом и анафорами:

1 Статьи по материалам докладов Константина Богданова, Веры Полищук, Марии Александровой, Ярославы Захаровой и Александра Кобринского см. в этом же номере.

РАНА

Ранила мене
в моє серце —
я не прощу.

Я знайду тебе —
я знайду.

Я заховаю біль —
я заховаю в собі.

Я закушу тугу —
я закушу.

Ранила мене в моє серце —
ти.

РАНА

Ранила меня
в мое сердце —
я не прощу.

Я найду тебя —
я найду.

Я запрячу боль —
я запрячу в себе.

Я закушу печаль —
я закушу.

Ранила меня в мое сердце —
ты.

24 — П. 921. Москва
(Пер. с укр. А. Россомахина)

Лирика Семенко тяготеет к импрессионистическим зарисовкам и приглушенной тональности (для показательного сравнения докладчик упоминает Маяковского с его экспрессионизмом и гиперболизмом). Мотив слез в таком случае обнаруживает себя в поэтическом контексте лаконизма и стоицизма, зашифрованного отчаяния.

В докладе «*Буря рыданий*»: *мотив слез в поэтике Владимира Набокова*» филолог, переводчица и независимая исследовательница *Вера Полищук* (Санкт-Петербург) проанализировала, почему плачут персонажи Набокова и как мотив слез вписывается в его поэтику. Отдельный случай этого мотива — сопряжение слез с язвучающей. Исследовательница отмечает, что Набоков существенно обогатил средства выражения эротического в русской литературе. Корреляция двух физиологических жидкостей вычитывается из цепочки эпизодов «Лолиты», если свести их воедино и рассмотреть как последовательное использование образов слез и семени. В комментарии к слезным эпизодам «Лолиты» Вера Полищук подробно разбирает и раскрывает все ходы «ненадежного рассказчика», подпускающего иногда ложную слезу.

Людмила Кастлер (Университет Гренобль-Альпы, Франция) в докладе «*Театральные слезы: от Чехова до Петрушевской*» обращается к процессу театральной коммуникации: как соотносятся между собой драматургические слезы и слезы сценические, каковы их функции в тексте пьесы и в театральном представлении? Докладчица рассмотрела пьесы знаковых фигур в истории русского театра: Антона Чехова, Александра Вампилова, Людмилы Петрушевской. Людмила Кастлер выводит основную тенденцию — перенос внимания с изображения слез на создание специфического ощущения (на которое работают диалоги, сценография и семиотика постановки, атмосфера, созданная актерами и музыкальным сопровождением), которое вызывает слезы (иногда и спасительные) уже у зрителей. Общий пафос доклада — познавательный — осложнялся напрашивающимся вопросом: не является ли театр сценой деланных чувств? Слезы — элемент, деталь, мелочь в конструировании сценографии, располагающей зрителей к (со)переживанию «чего-то». Тем интереснее, как это «слезливое что-то» подделывается с целью вызвать реальные слезы зрителей.

Второй день конференции начался с доклада *Марии Александровой* (НГЛУ, Нижний Новгород) «*Слеза солдата*» в культуре советской эпохи», который она

посвятила художественным и концептуальным изменениям этого образа во времени — от военной, блокадной до позднейшей послевоенной литературы. Так, в последней части доклада Мария Александрова обратилась к поздней прозе Виктора Астафьева и отметила, что поворот в трактовке солдатской темы оказался актуальным для ряда произведений того же времени: слезы солдат переходят здесь в экзистенциальный план.

Кинематографический поворот темы слез был представлен в докладе *Катрионы Келли* (Тринити-колледж, Кембридж) «*“Меня больше всего радуют слезы на глазах зрителя, а их много” (И. Авербах)*», посвященный новой эстетике советского кино 1970—1980-х годов («Монолог», «Пять вечеров», «Москва слезам не верит»), преодолевающей установку на бесслезность предыдущих лет. Константин Богданов заметил, что слом парадигмы 1960—1970-х годов (точные временные рамки установить невозможно) был эпохальным для советской эстетики, в это время далеко ушедшей от стихотворения Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924), в котором речь идет про «плачущего большевика». Дотошный анализ того, как выстраивалась советская сентиментальность, соотносился в докладе с общим фоном позднесоветской эстетики и «фабрики чувств» — нежностью и слезливостью, жалостью и состраданием — всем тем, чего была напрочь лишена официальная пропаганда и идеология.

К (не)плачущему большевику отсылает и коктейль Венедикта Ерофеева «Слезка комсомолки», о претекстах которого сделал доклад «*“Слезка комсомолки”: семиотический коктейль Венедикта Ерофеева*» Александр Кобринский (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург). Ирония текста — и доклада в том числе — что Ерофеев, как всегда, соотносит свои высказывания и рассуждения с традицией, далеко превосходящей ближайший контекст. Думая о ерунде и пустяках, мы вспоминаем вещи не пустяшные.

Слезы проливаются по разным поводам, но в основном по причинам по меньшей мере драматическим. Перед лицом беды и горя слезы могут как литься рекой, так и пересохнуть совсем. Елена Костылева (Европейский университет, Санкт-Петербург) в докладе «*Леон Богданов. Письмо катастрофы*» рассказала о некоторых особенностях «бесслезного» письма в литературно-философской перспективе. Проза Леона Богданова — за рамками эмоционального, вне человеческой логики, опыт осмысления «рек крови» в планетарном масштабе. Напротив, сообщение Ирины Козловой (РАНХиГС, Москва) «*Шок, слезы, стыд vs. облегчение и радость: какие чувства выражали россияне весной 2022 года*», в котором она представила результаты исследования Лаборатории публичной социологии, — посвящено попыткам понять общечеловеческую логику, определить спектр эмоций, которые россияне испытывали после 24 февраля 2022 года. Хорошим поводом для размышлений здесь может послужить само сосредоточение на эмоциях людей, переживающих мир в состоянии катастрофы, — почему нам важно знать об их чувствах? Кажется, что нет ничего более беспомощного и безысходного.

Ярослава Захарова (Университет имени Людвиг и Максимилиана, Мюнхен) в докладе «*Пригов: слеза, слезинка, слезы*», вопреки привычному мнению о поэте как об авторе-постмодернисте, общучивающем и обыгрывающем советский социолект и образы советской повседневности, акцентирует то, что можно назвать специфическим мистицизмом и эзотерикой его творчества. Пригов не только «шутник», но и своего рода мистик, в творчестве которого повторяются образы, сопоставимые с эмблематикой христианской традиции. Слезы и глаза — одни из них.

Независимая исследовательница Светлана Свободина (Санкт-Петербург) представила доклад «*Слезы княгини и ритуальный плач в стихотворении Е.А. Шварц “Старость княгини Дашковой”*». Докладчица прокомментировала с акцентом на

темы, неявно, но ощутимо присутствующие в ее творчестве: это крысы, слезы и смерть. Связь хтонического и человеческого проявляется у Шварц в том, что сила поэтических ассоциаций отсылает читателя к переживанию старости как переживанию границы между случайным и закономерным, страшным и обыденным. В этой связи ирония жизни есть ирония всего, что было, есть, и того, что будет: рождение равно умиранию, а человек не равен самому себе, он может быть кем угодно — даже крысой.

В докладе *Алины Соломоновой* (ВКА имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург) «*Плакать от красоты: эмоции и эстетическое восприятие в XX веке*» речь шла о некоторых аспектах «слезливого» поведения с оглядкой на традицию художественного и поэтического переживания, а точнее — его социальной репрезентации. Слезы — это не только следствие «чувств», но и маркер общественно ожидаемого поведения в ситуациях предсказуемого (само)позиционирования. Вопрос в том, где, как и почему такое поведение становится эффективным в опыте социального взаимодействия, почему слезы — это еще и элемент коммуникации и манифестации прекрасного.

Илья Виницкий для доклада «*Н.М. Карамзин и история слез в русской литературе*» придумал словосочетание «пондическое чувство», чтобы, вернувшись к Н.М. Карамзину и традиции русского сентиментализма, подчеркнуть литературные мотивы читательской слезливости. Карамзин, будучи сентименталистом, сам был далек от сентиментальности, но рассказанная им история о бедной Лизе стала историей всех воображаемых «бедных Лиз». Что с этим делать читателю? Цинично взвесить все обстоятельства появления этого образа в русской литературе или попросту посочувствовать влюбленной — навсегда влюбленной и навсегда брошенной — девушке?

Конференция завершилась яркими выступлениями писателей *Иннокентия Волкоморова* (Таллинн), *Льва Усыкина* (Санкт-Петербург) и *Олега Шалимова* (Таллинн), которые — не утруждая себя ссылками и сносками — вслух поразмышляли о том, чем занят плачущий человек: он плачет, он делает вид, что плачет, или он плачет / не плачет потому, что он делает вид, что плачет? Остается ожидать сборника по материалам конференции, который должен выйти в издательстве «Новое литературное обозрение».

Ярослава Захарова

Междисциплинарная конференция «Умолчание: Интерпретация культурных кодов. XX Пирровы чтения»

(Лаборатория исторической, социальной и культурной антропологии,
Саратов, 30 июня — 2 июля 2022 года)

DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_384

Летом 2022 года в Саратове состоялись юбилейные Пирровы чтения. Конференция, которая ежегодно проходит на площадке Лаборатории исторической, социальной и культурной антропологии усилиями ее руководителя — филолога, пере-